

Эльмира АХУНДОВА

Депутат Милли Меджлиса,
писатель-публицист

- Что происходило в конце 60-х - начале 70-х годов в азербайджанской литературе с точки зрения появления в этой литературе мощной диссидентской, но официально разрешенной диссидентской ветви? Считаете ли вы, что в отличие даже от той ситуации, которая была в российской литературной жизни, у нас художники, писатели и пр. десятилетия культуры имели большую творческую свободу? Или это было не так?

- Безусловно, это было именно так. И это было связано, конечно, с Гейдаром Алиевым. Когда Алиев назначили первым секретарем ЦК КП Азербайджана? В 1969 году. В августе 1968 года советские танки вошли в Чехословакию. И была угроза (это обсуждалось на Политбюро), что и в республиках СССР могут проявиться националистические тенденции, которые будут чреваты какими-то центробежными процессами. Гейдара Алиева как доверенное лицо, прошедшее школу КГБ, назначили первым секретарем ЦК именно и в первую очередь для того, чтобы пресекать подобные националистические тенденции. Это мое личное мнение. Помню, один московский журналист, некий Оганов после утверждения Гейдара Алиева в одной компании сказал азербайджанцам: "Как жестоко с нами поступили!"

Но что произошло впоследствии? Это также сугубо моя личная точка зрения. А произошло, на мой взгляд, то, что Алиев, будучи кадровым чекистом, сотрудником КГБ и пр., в душе всегда был азербайджанским националистом. Националистом не в плохом смысле этого слова, а именно человеком, преданным своей нации.

Поэтому он якобы пришел на волне борьбы с национализмом, но очень быстро повернул эту борьбу против кор-

рунции. Вот такая произошла рокировка...

Тогда в коррупции погряз весь СССР. В июле его назначили, а в августе он на Пленуме ЦК Компартии Азербайджана выступил с большой речью. Кстати, незадолго до этого в печати вышли мои сатирические рассказы "Молла Насреддин-66". Меня на Пленуме не было, но слышавшие доклад говорили мне потом, что "Гейдар Алиев выступил в унисон с твоими рассказами, обличая те же негативные явления и процессы".

И эту тенденцию он продолжал все время, то есть он поддерживал именно те произведения, которые бичевали негативные явления. Почему он, например, поддержал мою пьесу "Лето в городе"? Она выражала писательское неприятие протекционизма, кумовства в высших школах, взяточничества в области медицины и права. У меня был заключен договор с Министерством

Через несколько дней мне сказали, что Гейдар Алиев хочет прийти на спектакль. С ним пожаловались все министры, руководители творческих союзов и пр. Я сидел у худрука, смотрел оттуда в зал, вижу - реакция вроде нормальная. Спектакль закончился, и вот тогда впервые Гейдар Алиев вышел на сцену и пропел за кулисы. Он начал хвалить пьесу. Сказал, что прочел в "Коммунисте" и "Бакрабочем" статьи Мирзы Ибрагимова и Гюльрух хапум, заинтересовался и решил сам посмотреть, потому что были "разные мнения". Вижу, говорит, что пьеса своевременная, надо ее обязательно поставить и в русском театре, совместно с "Мосфильмом" снять двухсерийный фильм и поощрить актеров. А потом спрашивает: у кого есть квартирный вопрос? Ему сказали: у Шафиги Мамедовой, у Гасангаи Турабона и у Самандара Рзаева. Хорошо, вот этим трем актерам дам квартиры.

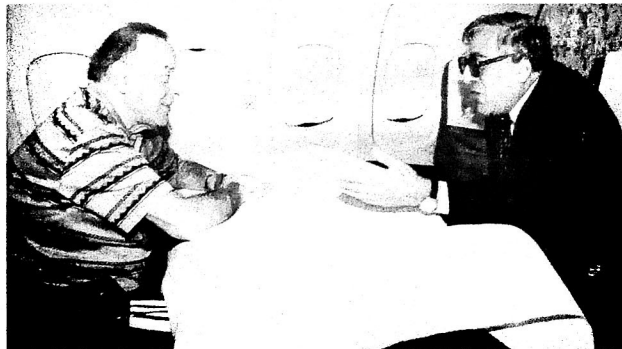
ро ЦК и принять решение о переименовании альманаха. Первый номер журнала вышел в 1969 году. С тех пор началась наша легкая жизнь.

- Почему легкая? Насколько я знаю, вас никто не запрещал, вы могли многое публиковать.

- Да, конечно. Но сколько препон нам чинили! Дело в том, что альманах был совершенно новым явлением в духовной жизни постсоветского общества. Он был дегнемом талантливого поколения азербайджанских шестидесятников, детей XX съезда. В нем все было ново и необычно, начиная от художественного оформления - далекого от строгого официоза, яркого, нестандартного. Обложку украсили средневековые азербайджанские миниатюры, карикатуры из журнала "Молла Насреддин", картины современных художников Джавада Мирджанзадова, Михаила Абдуллаева, Таира Салахова, Расима Бабаева. Пр наряду с этим обложка заклю-

БУДУЧИ КАДРОВЫМ ЧЕКИСТОМ, ГЕЙДАР АЛИЕВ

Беседа с народным писателем Азербайджана АНАРОМ

культуры, и наш известный режиссер Тофик Кязимов репетировал с актерами. Однако перед премьерой Глашгит уперся, мол, это антисоветская пьеса и пр. Тогда заведующий отделом культуры ЦК Азад Шарифов помог, "надавил" на Глашгит. Пьесу разрешили. После премьеры Мирза Ибрагимов в газете "Коммунист" и Гюльрух Алибейли в "Бакинском рабочем" написали восторженные статьи о пьесе.

После этого начались атаки в театре, наши встречи в вузах и пр.

Понимаете, как опытный чекист и аппаратчик он понимал, что чашиня Центра надо удовлетворить и якобы начал борьбу с национализмом. В этой связи характерна история с альманахом "Гобустан".

История журнала такова: в 1960-е годы выходил альманах "Azərbaycan incəsənəti", правда, был издан всего 3 номера под редакцией известного театрального деятеля, режиссера Мехти Мамедова. Потом выпуск альманаха был приостановлен. В 1968 году секретарь ЦК по идеологии Джафар Джафаров пригласил меня на должность главного редактора. Он был моим руководителем по дипломной работе и вообще хорошо знал меня и мою семью. Я сразу согласился, только предложил, чтобы журнал назывался "Гобустан". Гобустан - древнейший археологический заповедник, наше уникальное богатство, где в наскальных изображениях запечатлены истоки различных видов ремесел и искусства - здесь и танцы, и изобразительное искусство, и скульптура. Джафару Джафарову удалось провести через Ю-

мид читателей и с произведениями художников итальянского возрождения, и с японскими гравюрами, и с графикой Пикассо. Это, конечно, вызвало непонимание.

Еще больше партийных чиновников раздражало содержание альманаха, стремление его создателей выйти за провинциальные рамки. Мы рассказывали и о Пикассо, и о Чаплине, о Стравинском, о поэзии Южного Азербайджана, о современном искусстве Турции и других поркоязычных народов. Гостем альманаха был казахский художник, киргизское кино, татарская музыка, памятники Тувы и т. д. Это был абсолютно идеологизированный журнал". Сотрудники альманаха реанимировали забытые имена видных представителей отечественной интеллигенции, деятельность которых приходилась на дореволюционные годы или годы существования Азербайджанской Демократической Республики. Все это давало основание бюрократическим коммунистической идеологии обвинять сотрудников альманаха в пантюркизме.

- Конкретные примеры привести можете? Это для молодых литераторов будет весьма поучительно.

- Однажды я дал на обложке картину Тогрула Садыгзаде "Нариман, Киров, Орджоникидзе и Микоян" к апрельской годовщине. Даниил Гулиев срочно вызвал меня с Тогрулом в ЦК. Оказываюсь, на этом портрете, который художник уже демонстрировал на выставках, который печатали в газетах, Нариманов идет чуть впереди своих соратников по партии. "Что это такое? Почему он впереди? За это бы нас посадили в 1937 году", Тогрул ответил: "За это нас достаточно сажали в свое время". Он сын Сейида Рустеина и Гюльсум, и отца и мать его репрессировали. Даниил Гулиев настаивает: "Вы сменили обложку, замените другим рисунком". А вышел только ситальный экземпляр. Но тут и я попал на демар-

тию: "Не смогу. Я не смогу рабочим типографии объяснить, почему мы четырех революционеров снимаем с обложки в канун праздника революции".

Или у нас в журнале шли статьи Эльгурана. Даниил Гулиев ругает нас: "Что такое? Разве можно так подписываться (Эльгуран в переводе - "родина тюрок")? Как вы допустили такое?" - "Но это же его имя!" - "Вы должны были сказать!" - "Что сказать? Чтобы он поменял свое имя?" - "Пусть меняет!"

- Это совершенный маразм. Неужели секретарь ЦК говорил это всерьез?

- Еще как всерьез! Но и его винить во всем нельзя. Наш папшиный партийными чиновниками висел злобный лампочкой меч паместников Кремля.

Джафар Джафаров как-то рассказал мне, что второй секретарь ЦК Сергей Козлов спросил его, правда ли, что "Тобустан" выходит на турецком языке? В альманахе использовались отдельные слова, которые мы действительно пере-

мольской правды" Песков. И он ему говорит: "Товарищ Песков, в Москве очень часто публикуют Анара. Скажите, чтобы не публиковать?". Или еще один случай: Даниил Гулиев приехал из Москвы с какого-то большого идеологического совещания и собрал интеллектуальную группу в ЦК КП Азербайджана. Он говорит нам буквально следующее: "Там критиковали Грузию и Эстонию за национализм. Но я выступил и заявил: "Товарищи - это не совсем так. У нас тоже есть националистические тенденции, например, журнал "Тобустан". И тогда мне сказали: "Почему вы не можете до сих пор обучать редактора этого журнала?"

На наш журнал были нападки в правительственных органах печати, карикатуры в журнале "Кирпи" и пр. И Гейдар Алиев как-то на писательском съезде сказал: "Мы вас критикуем не за

порции крови Махсуду и Рустаму Ибрагимбековым, например, зная в Москву, чтобы застрелили их пьесы и пр.

Свои литераторы тоже добавляли масла в огонь. Один писатель на каком-то собрании встал и сказал: "У нас тоже появился свой Солженицын; это Анар". Да вы перечитайте речь Гейдара Алиева на нашем писательском съезде 1997 года! Он там открыто рассказывал, как к нему приходили писатели и говорили, что дед Анара был антисоветчиком, и сам он урый антисоветчик...

Возвращаясь к вопросу о том, почему в Азербайджане среди писателей не было диссидентов. Потому что и не было, Гейдар Алиев при желании из каждого из нас мог сделать диссидента. Из Вагифа Самедоглу, Айлисли, из меня. Но он старался не доводить ситуацию до точки кипения.

Вот, например, вышла очень острая повесть Мовшуд Сугеймашы "Дауш-

весть, кстати, увидела свет благодаря лояльности Исмаила Шихлы...

- ...И благодаря негласной поддержке первого секретаря ЦК Гейдара Алиева, который читал все, что выходило из-под нашего пера.

- Абсолютно верно. Взять хотя бы мою "Сказку о добром короле", которая была опубликована в журнале "Азербайджан". Когда я показал ее в Москве в журнале "Дружба народов", там была ответсекретарь Нилонцева, она ко мне очень доброжелательно относилась. Она сказала: "Анар, это не только не опубликуешь, ты это никому не покажешь". Она считала, что это крамольная до предела вещь. Я сказала, что у нас в Баку она опубликована. Реакция была шоковая: "Не может быть!" Потом я отпирала это в "Исцелю" Макарову, и тот мне написал письмо: "Дорогой Анар, вещь замечательная, но не по нынешним временам!". Они опубликовали ее только после того, как с началом перестройки ослабла цензура.

Но были и другие случаи, когда что-то сначала нам удавалось опубликовать в московских газетах и журналах, а потом уже это "проходило" в Азербайджане. Мою статью о Джалиле Мамедкулиеве "Большое бремя - понимать" опубликовали в "Новом мире". Только после этого Исмаил Шихлы пробил ее в журнале "Азербайджан". Было и такое.

То есть мы все время были в столкновении с цензурой, с партийными органами, все, что я сделал в литературе более или менее значительного, все встречало сопротивление. И единственное, что нас спасало, - это Гейдар Алиев.

- Показательна также история его взаимоотношений с выдающимся азербайджанским поэтом Расулом Рзой, которому он "пробил" высокое звание Героя социалистического труда.

- Помню, некоторые мне говорили: "Ты чего Алиева подерживаешь? Он твоего отца снял с поста главного редактора Энциклопедии в 1976 году, снял с депутатства и с члена правления Союза писателей СССР". Да, это все было. Но ведь потом он же добился, чтобы отцу дали звание Героя труда. И где-то он даже сказал: "Rosula bu adi vətəməm, özümə başğışlaya bilməm". Значит, он не был его недоброжелателем, не хотел его уничтожить. Просто перед натиском этих допозачков, литературных киллеров он был вынужден как-то реагировать. Тем более что доходы доходили до Москвы, до Главной редакции, где сидел сын Шаумина. И в этих условиях Гейдар Алиев сумел добиться присуждения поэту звания Героя труда, что, по моему мнению, было проявлением политической смелости со стороны Алиева. Некоторые сейчас кричат рот при упоминании этих званий... Однако это был не просто нагрудный знак. Присвоение этих званий означало поднять престиж Азербайджану. Означало утвердить азербайджанскую культуру во всеобщем масштабе. И у Гейдара Алиева это блистательно получалось...

Мне этого человека сегодня очень не хватает.

Allah onu qoni-qoni rahmət etsin!

БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ, ПРЕДАННЫМ СВОЕЙ НАЦИИ

нимали из турецкого языка, но поверх шла информация о том, что в журнале идет целенаправленная проตุрекая идеологическая пропаганда. Хотя мы чаще использовали в своих статьях слова чисто азербайджанского происхождения, которые просто редко употреблялись в то время или были замаскированы синонимами из арабского, персидского языков. Например, вместо "müvəffəqiyyət" ("успех") чаще употреблялось слово "uğur", вместо "nəmiş" ("образец") - "dəmək", вместо "müqəddimə" - "ön söz", вместо "əsg" ("вск") - "uyğ il".

Кроме того, в азербайджанском языке было очень мало терминов по искусствоведению, скажем, по станковой живописи, балету, симфонической музыке, то есть всему тому, что пришло в нашу культуру уже в XX веке. Поэтому мы были вынуждены заниматься словотворчеством, искать какие-то новые слова. Сейчас мы используем эти слова в своем повседневном лексиконе: "Şahdağ", "əpənlil", "öncə". А тогда они впервые появились на страницах альманаха "Тобустан". И эту тенденцию стали выдавать за пантюркизм" (См. "Мои годы в "Тобустане"...". Анар. Произведения. Баку, 2004. С.65-75.)

- Говорят, что некоторые не в меру ревнивые ваши коллеги стали направлять "доносы" в различные инстанции, даже в Москву. Это правда?

- К сожалению, было и такое. Слух об "оппозиционном" азербайджанском журнале дошел до Москвы, и Канитонов, секретарь ЦК, на каком-то совещании сказал, что в Азербайджане выпускают "националистический журнал под названием "Тобустан"". Наш местный секретарь ЦК по идеологии Даниил Гулиев сыграл во всех этих процессах негативную роль. Выступает он в Доме актеров на съезде журналистов. Я пришел с опозданием, стою в фойе, мне говорят: "Даниил Ниревич оиньг по тебе пропелся. Он сказал, что из Москвы на съезд приехал корреспондент "Комсо-

мешанские тенденции, а за пантюркизм".

Несмотря на это, он "Тобустан" не закрыл, хотя журнал был, по сути, незаконным изданием, ибо не входил в реестр ЦК КПСС. Тогда все журналы входили в реестр ЦК КПСС, а затем попадали в каталоги Союзпочты для подписки. На "Тобустан" письма было подписаться. Он выходил как альманах, как якобы издание издательства Азербекпринт, потом он числился при Министерстве культуры. Поэтому Гейдар Алиев мог его закрыть в любой момент или, в крайнем случае, назначить другого, более послушного редактора. Он ни того, ни другого не сделал, несмотря на огромное на него давление. Более того, именно первый секретарь ЦК Гейдар Алиев все эти годы отражал и "Тобустан", и его редактора от многих несчастий и бед, в том числе и от работавших под его руководством партийных функционеров

- Кстати, Гейдар Алиев довольно скоро за подобные "высверты", збоготы и консерватизм снял Даниила Гулиева с должности секретаря ЦК по идеологии.

- Да. Но сколько Даниил Гулиев по-

ступать против нее, в Союзе писателей состоялось бурное обсуждение. Гейдар Алиев на основе этой повести и разразившегося вокруг нее скандала вполне мог даже специально постановление ЦК принять. Или по поводу фильма "В одном южном городе" могли раздуть скандал, довести до взрыва. Но ничего этого не сделали, напротив, ЦК поддержал и Мовшуду, и Рустаму с Эльдаром (Эльдар Кулиев - режиссер фильма -Э.А.)

К нам приезжали писатели из Прибалтики и, посмотрев эти фильмы - "Лето в городе", "В одном южном городе", - говорили, что у нас бы за такие произведения исключили из Союза, устроили бы настоящее сурдинце.

При Акраме Айлисли многие талантливые молодые поэты и писатели смогли в журнале "Азербайджан" напечатать свои вещи - Рамиз Рушан, Вагиф Джабраилев, Мовшуд Сулейманли. Когда Акрам печатал "День казни" Юсефа Самедоглу, то и он, и Юсеф стояли насмерть. Хотя Главлит упрямствовал ее публикации, так же как и публикации в журнале "Азербайджан" моей повести "Лето в городе". Эта по-